

ИЗМЕНЕНИЯ В ВОСПРИЯТИИ КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ В ДРЕВНЕЙ РУСИ, ПРОИЗОШЕДШИЕ ПОСЛЕ ПРИНЯТИЯ ХРИСТИАНСТВА (на примере фактов языка и древнерусских литературных произведений)

“Категория времени имеет все большее и большее значение в современном понимании мира и в современном отражении этого мира в искусстве”¹, – писал Д. Лихачев. Восприятие времени является каким-то особенным аспектом мирозерцания, который постигается человечеством не сразу, подразумевает наличие у человечества исторического сознания, умения мысленно переноситься туда, куда в реальности перенестись нельзя, – в прошлое и в будущее.

Как и всякий важный факт осознания окружающего, восприятие времени имеет четкое отражение в системе языка, в частности, в грамматике глагола. Многие ученые считают, что не только лексика, но и морфология языка участвует в создании языковой картины мира; особенно это касается таких важных грамматических категорий, как род, число, переходность глагола, его время, лицо и так далее. Категорию времени можно назвать наиболее мировоззренческой из всех грамматических категорий, поскольку со временем связаны не только понятия “прошлое” и “будущее”, но и понятия “вечность”, “начала времен”, “конец времен”.

Так, если следовать фактам реконструкции морфологической системы индоевропейского праязыка, то можно сделать вывод: на заре существования человечества такие привычные для современности представления, как *прошлое* и *будущее*, вероятно, еще не являлись прочно укоренившимися концептами мировосприятия. В праиндоевропейском языке, по мнению ряда ученых², существовало несколько форм выражения настоящего времени: презент, аорист и перфект³. По мнению А. Савченко, перфект мог обозначать как состояние субъекта или объекта, являющееся следствием некоего действия в прошлом, так мог и вообще не соотноситься со временем, быть вне-временным. Аорист также не имел четкой

¹ Д.С. Лихачев, *Поэтика древнерусской литературы*, Санкт-Петербург 2001, с. 5.

² А.Н. Савченко, *Сравнительная грамматика индоевропейских языков*, Москва 2003, с. 294; И.М. Тронский, *Общиндоевропейское языковое состояние*, Москва 2004, с. 91; Я. Сафаревич, *Развитие формативов времени в индоевропейской глагольной системе*, Проблемы индоевропейского языкознания, 1964, с. 13; А. Мейе, *Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков*, Москва 2007, с. 212–213 и др.

соотнесенности со временем и мог обозначать как настоящее, так, с развитием системы, и прошедшее (именно поэтому в переводах с древних языков и, в частности, со старославянского, аорист может переводиться как настоящим, так и прошедшим, например: “Рече Господь притъчю сию” можно перевести как “Сказал Господь притчу” и “Говорит Господь притчу”. Так или иначе, все три формы были связаны с обозначением текущего момента времени, с различными семантическими оттенками⁴. Существовала всего одна форма, четко выражающая прошедшее время – имперфект⁵, к которой иногда присоединяют образования прошедшего времени при помощи аугмента. Знаменательно, что не существовало специальных способов выражения будущего⁶, хотя некоторые ученые, в частности, А. Савченко, считают, что первичное формирование будущего времени началось в диалектах праиндоевропейского языка еще до его распада⁷. Большинство исследователей исторической морфологии сходятся в том, что в славянских языках именно формы будущего времени являются одними из наиболее поздних⁸.

Таким образом, в системе праиндоевропейского языка четко выражена концентрация сознания говорящего на настоящем времени, на различии оттенков настоящего, понимании законченного (аорист), незаконченного (презент) действия и состояния, выраженного глаголом (перфект). При этом в прошедшем времени различается только длительное и повторяющееся действие (имперфект), а будущее практически не осознается как время, отличное от настоящего. Это немного напоминает детское мировосприятие, в котором четко осознается лишь настоящее, а прошлое и будущее отчасти воспринимаются как несуществующее. Лишь со временем ребенок перенимает от взрослых представления о прошлом и будущем как о реально существующих.

Концентрация внимания на настоящем должна быть связана с какими-то важными особенностями картины мира древнего человека, а также с тем, что его концепция времени отличается от современной.

³ Т.В. Гамкрелидзе, В.В. Иванов, *Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры*: В 2 ч., Тбилиси 1994, ч. 1, с. 300–301.

⁴ А.Н. Савченко, *Сравнительная грамматика индоевропейских языков*, с. 260.

⁵ О. Семереньи, *Введение в сравнительное языкознание*, Москва 2002, с. 317.

⁶ R.S.P. Beekes, *Comparative Indo-European linguistics: An introduction*, Amsterdam – Philadelphia 2011, p. 252.

⁷ А.Н. Савченко, *Указ. соч.*, с. 285–288.

⁸ М.А. Жовтобрюх, О.Т. Волох, С.П. Самійленко, І. Слинько, *Історична граматики української мови: Підручник*, Київ 1980, с. 200; І. Огієнко, *Історія української мови*, Київ 2001, с. 143.

За время существования человечество создало несколько концепций течения времени, связанных с религиозными и философскими представлениями. Условно их можно разделить на две: спиральную, или цикличную, и векторную, или линейную.

Рассмотрим сначала первую, спиральную или циклическую концепцию временного потока. Циклическая концепция основывается на представлении о постоянном развертывании времени в виде спирали, которая не имеет начала и конца и лишь повторяет в той или иной форме уже произошедший когда-то сюжет. Такое представление о времени свойственно древним народам. Согласно утверждениям Н. Убальдо, наблюдения над временной регулярностью движения небесных тел и за постоянством биологических ритмов способствовали появлению представлений об аналогичной циклической структуре времени. История как целостная и необратимая последовательность неповторимых фактов в восприятии архаичного человека не существовала. Кроме того, человек верил, что так точно, как растительность возрождается каждую весну, так и в человеке существует что-то, что должно снова родиться. Древнейшие культы, основанные на веровании в метемпсихоз, или циклическое возрождение души, особенно акцентированы в обрядовых действиях, связанных с возрождением весны. Эта особенность свойственна и славянскому язычеству. Универсальным символом циклического времени является Уроборос (др.-греч. οὐροβόρος) – змей, кусающий свой хвост, – средневековый символ, изображающий мир, обернутый вокруг себя. Еще в Древней Греции⁹ этот символ использовался для обозначения процессов, не имеющих начала и конца¹⁰.

Древнее, языческое представление о времени отвечает концентрации внимания на настоящем, которое мы отмечали в грамматической структуре праиндоевропейского языка. С. Аверинцев, рассказывая об античной циклической временной концепции, вспоминает слова Горация: “Лови день, меньше всего доверяй грядущему”¹¹. Если время раскручивается по спирали и не имеет начала и конца, то в реальности существует только настоящее, а все остальное – весьма относительно, а потому не достойно пристального внимания. Ценность настоящего, как бы пойманного

⁹ Н. Убальдо, *Время циклическое/линейное, Иллюстрированный философский словарь* / пер. с ит., Москва 2006, с. 175.

¹⁰ Marnford Lurker, *The Routledge dictionary of gods and goddesses, devils and demons*. Routledge 2004, p. 4.

¹¹ С.С. Аверинцев, *Между “изъяснением” и “прикровением”*: Ситуация образа в поэзии Ефрема Сирина, Восточная поэтика: Специфика художественного образа, Москва 1983, с. 93.

и остановленного момента действительности, подчеркивается античной внимательностью к материальному, телесному миру, к молодости, силе – при, и на это особенно обращает внимание С. Аверинцев, пустоте глаз у античных статуй, которая как бы отрицает заглядывание в душу человека, в его прошлое, в его опыт и переживание этого опыта. Вот эта ценность настоящего, очевидно, и подчеркивается развитой системой настоящих времен в праязыке.

Однако если дальше провести параллель между развитием категории времени в языке и изменениями в представлениях о течении времени, то следует отметить нарастание внимания к прошлому – и развитие системы прошедших времен.

Начнем с грамматики. Уже упоминалось, что в праиндоевропейском языке было три разновидности настоящего времени, которые лишь с достаточной степенью относительности можно называть вообще временно-определенными. С развитием морфологических систем разных индоевропейских языков изменялись глагольные конструкции – настоящее время все чаще стало передаваться только одним способом – презентом, а аорист и перфект стали восприниматься как категории, передающие действие в прошлом. Такова структура праславянского языка, таковы санскрит, древнегреческий, латинский, готский. Можно предположить, что с течением времени накапливался опыт человечества, и его обращение к своей истории, внимание к прошлому выражалось в становлении и развитии системы прошедших времен. Возникает плюсквамперфект, который вместе с аористом, перфектом, имперфектом и форм с аугментом составляет самую разветвленную временную категорию в языках древнего периода.

Изменяется и отношение человека к прошлому. Прошлое – одно из важнейших художественных времен древних литератур, особенно древнейшего эпоса. Именно прошлое является предметом самого пристального внимания античных авторов; древний эпос основной целью имеет сохранение памяти о прошлом. Человек начинает ощущать ценность прошлого, его влияние на настоящее, свой долг сохранить память о минувших событиях. Прошлое заметно сакрализируется в эпосе древних народов, оно не просто пересказывается, а воспевается. Это же можно сказать и о славянском фольклоре, в частности, о былинах, которые представляют собой героический эпос славян. Однако фольклорному прошлому следует отказать в историчности, это прошлое само по себе, вне временного потока – “бывальщина”, “островное прошлое”, как называет

его Д. Лихачев: “Время и действие былин строго локализовано в прошлом – в условной эпохе русского прошлого, которую можно было бы назвать “эпической эпохой” [...]. Эта “эпическая эпоха” – некая идеальная “старина”, не имеющая непосредственных переходов к новому времени. В эту эпоху “вечно” княжит Владимир, вечно живут богатыри [...]. Это [...] история, но история, не связанная с другими эпохами, как бы занимающая “островное положение”¹². Оно еще тесно связано с языческим представлением о цикличности времени, хотя уже пытается сломать его – но историчности, векторной направленности времени еще нет, иначе былины воспевали бы не абстрактную эпоху “когда-то”, “во времена князя Владимира”, а конкретные события прошлого, так, как это позже делалось в летописях.

Летописи, как и вся средневековая литература, отражают совсем иной принцип восприятия времени: циклическая концепция сменяется линейной, или векторной, и эта смена, так называемый временной перелом, связана с появлением и распространением христианства. Проводя далее параллель между грамматическими формами и мировоззренческими принципами восприятия, мы должны отметить, что развитие в грамматике категории будущего времени идет параллельно развитию новой категории художественного времени в литературе и искусстве, а значит, новому пониманию времени в мировосприятии человечества.

Суть линейной концепции заключается в том, что она строго следует библейским представлениям о сотворении мира, его земной истории и ожидании конца света и обетованной вечности. По этой концепции время не воспринимается как циклическое и бесконечное в своей повторяемости, но как четко начавшееся в какой-то исторический момент, длящееся на земле, причем, с непосредственным значением каждого поступка, каждой эпохи для будущего – ожидаемого Страшного Суда – и имеющее закончиться для того, чтобы перейти в вечность. При этом земное время четко делится на две части – до рождества Христова и после него, то есть по этой концепции история не может восприниматься каким-то идеализированным “островным” временем – она имеет закрепленность за конкретным годом, веком, тысячелетием и она полностью устремлена в будущее – тем важнее событие, чем большее значение оно будет иметь для будущего. Будущее становится самым сакральным, самым чаемым временем для христианского мира. Настоящее вообще перестает иметь какое-либо значение само по себе – и перестает иметь значение материальность,

¹² Д.С. Лихачев, *Поэтика древнерусской литературы*, с. 24.

телесность, внешность. Именно поэтому в средневековых произведениях важна внутренняя жизнь человека, его опыт и его переживания.

По замечательному наблюдению Т. Вендиной, это отразилось в лексическом строе старославянского языка. Язык IX–X веков содержит минимальное количество слов, отражающих внешние черты человека, его национальную принадлежность или социальное положение, и несопоставимо большее – отражающих его духовное состояние. “Чувственная, физическая природа человека не представляла особого интереса для языкового сознания средневекового человека, – пишет исследователь, – интерес проявлялся прежде всего к оценке человека как к личности, личности социальной и духовной, “интеллектуальной”¹³. И еще более конкретно: “Названия человека как существа социального в старославянском языке значительно уступают названиям, характеризующим человека как существо духовное, с особенностями его мышления, ощущения, восприятия, со всеми его идеалами, влечениями, желаниями, интересами и склонностями”¹⁴. Как цикличная временная концепция связана с телесностью и внешним видом человека, так векторная – с духовным миром людей, с пренебрежением к внешнему виду и телесности, даже с отрицанием этой телесности – о чем свидетельствует аскетический опыт христианства. Отрицание телесности связано с умалением значения настоящего момента, настоящего времени, презента, и повышенным вниманием к обетованной вечности, воздаянию в будущем, к футуруму.

Действительно, именно в период перехода от античности к средневековью в разных индоевропейских языках развивается категория будущего времени. Что касается славянских языков, то конец праславянской эпохи и начало Кирилло-Мефодиевского периода в морфологии языка ознаменовано настоящим “взрывом” будущих времен. Формирование футурума в праславянском шло долго и, при сопоставлении с греческим и латинским, с большим отставанием. Но к концу праславянской эпохи в языке обозначились четкие черты описательных будущих времен. А с первыми переводами греческих книг на старославянский эти начальные протокатегории дополнились кальками с греческого – и в старославянском насчитывают пять разновидностей выражения будущего времени: *простое будущее*, утвердившееся в русском языке, *первое будущее*, ставшее основой украинского сложного будущего, *будущее в настоящем*, которое

¹³ Т.И. Вендина, *Средневековый человек в зеркале старославянского языка*, Москва 2002, с. 28.

¹⁴ Там же, с. 39.

развилось под воздействием греческого языка, *преждебудущее*, которое утвердилось в южно- и западных славянских диалектах, и *будущее в прошлом*, ставшее основой для синтаксического оформления сложноподчиненных предложений¹⁵.

Дополненная системой будущих времен, морфология славянских языков приняла законченный вид, как и категория художественного времени в древнерусской литературе. Так, летописи наиболее ярко отражают ощущение историчности и хронологической последовательности, которое, вероятно, было настолько новым для новообращенных славян, что передается в летописях намного буквально и резче, чем в византийских хрониках: если хроника стремится отразить только самые важные события из жизни империи и пропускает те годы, когда не происходило ничего особенного, то летопись скрупулезна к каждому году, даже если в этот год ничего не произошло. Отсюда знаменитое летописное “была тишина велия” напротив последовательно перечисленных лет. Это абсолютное противоречие былинному и вообще фольклорному времени отражает как раз тот “временной перелом”, который должны были пережить славяне в период принятия христианства.

Принятие христианства для славян было не только принятием новой теодоктрины, но и восприятием мудрости древнейших цивилизаций, которую несла в себе греческая культура. Поступательное движение в развитии славянской культуры, его неторопливость и инертность были нарушены в Кирилло-Мефодиевскую и далее во Владимирову эпоху слишком важными для системы мировосприятия событиями. Именно поэтому можно говорить о “всплеске” или “взрыве” новых мировоззренческих понятий и, соответственно, новых грамматических конструкций.

Как уже говорилось, художественная категория времени оперирует не только понятиями “будущее” и “прошлое”, но и понятием “вечность” – та самая, в которую было устремлено новое для славян будущее. Смена системы временных категорий повлекла за собой особую организацию художественного пространства в литературе. Ярче всего это отражено в произведении митрополита Илариона Киевского “Слово о Законе и Благодати”, о котором, в связи с изменением восприятия истории после христианизации Руси, писал С. Аверинцев: “Горизонты настолько расширились [после принятия христианства], что митрополит Иларион

¹⁵ См.: Х. Бирнбаум, *Праславянский язык: Достижения и проблемы в его реконструкции*, Москва 1987; Г.А. Хабургаев, *Старославянский язык: Учебник*, Москва 1986; О.І. Леута, *Старослов'янська мова: Підручник*, Київ 2002.

словно охоплює взглядом християнський мир як ціле [...]. Історія перестає сводитися к епічному, почти природному ритму війн, перемог, катастроф, вона предстает як *явлення смисла*, по своїй складності требуючого інтерпретації, як система дальньої діючих зв'язей, в якій актуальні Авраам і цар Давид, грецькі мудреці і Александр Македонський, персонажі Нового Завета і імператор Константин¹⁶. Столь різкі зміни в світогляді відобразились, як ми бачимо, на специфіці розвитку граматическої категорії часу, а також на особливостях часу як художественної категорії літературного твору.

Для часової парадигми “Слова о Законі і Благодаті” не характерно змішування темпоральних відрізків *прошлоє – настоящеє*. “Былій век” виступає як ідейно і сюжетно мотивований і значимий пласт.

Описуючи минуле, автор Слова отождествляє його з тіню. Домінуючим поняттям минулого є Закон, який Іларіон трактує як ідолопоклонство, юдаїзм, оправдання. Іларіон утверджує, що Закон є слуга Благодаті: “Законъ во прѣдъзѣчѣ бѣ и слуга благадѣти и истинѣ, истина же и благадѣть слуга будущею вѣку, жизни нетлѣннѣи”¹⁷. Ключовим образом існування людськості всередині Закону є раба Агарь, родивша сина-рабича Ізмаїла. В той же час був провозглашен Закон: “Роди же Агаръ раба отъ Авраама, раба ровичишть, и нарече Авраамъ имя ему Измаилъ. Изнесе же и Моисѣи отъ Синаискихъ горы законъ, а не благадѣть, стѣнь, а не истину”¹⁸.

Згідно з Словом, зародження християнського віровчення відбувається ще на часовому відрізку *прошлоє* і існує на рівні предзнаменувальних, передчущувальних як *будущеє в прошлом* (порівняємо з відповідною глагольною категорією, характерною для морфології як раз цього періоду). Кожен герой Старого Завета у Іларіона є прообразом героя Нового Завета.

С. Аверинцев називає таку богословську “типологію” в середньовічному розумінні доктриною о “прообразуванні” (ідеально-смысловому передвосхищенні) більш пізніх подій в більш ранніх. Як утверджує вчений, “едва ли не все епізоди Старого Завета розбирались

¹⁶ С.С. Аверинцев, *Крещение Руси и путь русской культуры*, Вера и Жизнь 2 (Чернігов 2008) 77.

¹⁷ Іларіон, митроп., *О Законѣ, Моисѣемъ данѣмъ, и о Благадѣти и Истинѣ, Исусомъ Христомъ вышши...*, Библиотека літератури древней Руси, т. 1. Електронні публікації Інститута російської літератури (Пушкінського дому) РАН. [Електронний ресурс]. Режим доступу: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=2070>. (Далее – Слово о Законі і Благодаті).

¹⁸ *Слово о Законі і Благодаті*.

как аллегории о земной жизни Христа, но события последней в свою очередь могли иносказательно указывать на перипетии внутренних путей христианской души¹⁹. В контексте доктрины о “прообразовании” Адам, будучи первочеловеком, становится прообразом Христа. Иларион упоминает историю о Сарре, бывшей рабыне, а ныне свободной, которой было уготовано родить Исаака, прообраз Сына Божьего и Завершителя Темного века Закона: “Безвѣстная же и тайна прѣмудрости Божии утаена въдоху ангелъ и челоувѣкъ, не яко неявима, нъ утаена и на конецъ вѣка хотяща явитися”. Автор упоминает о пророчествах Моисея: “Моисѣ во и пророци о Христовѣ пришествии повѣдадоху, Христосъ же и апостоли его о възскресении и о будущимъ вѣцѣ”²⁰. Таким образом, Иларион демонстрирует поочередность “заглядывания” в будущее, в *вечность*, превращая ветхозаветную Сарру в прообраз Марии, матери Иисуса.

Вплетение ветхозаветных пророчеств создает картины *будущего в прошлом*: деяния в прошлом объясняют события в настоящем, а поступки человечества века настоящего ведут за собой результат в будущем. Другой стороной этой “пронизанности” является то, что события священной истории придают смысл событиям в настоящем, они объясняют состояние вселенной и положение человечества в отношении к Богу. Эти события вершились под знаком вечности и поэтому продолжают существовать и вновь совершаться. Д. Лихачев определяет наличие упомянутых условий и последствий как “временной императив” (исторический императив) христианской литературы вообще. Исторический императив выражается также в главной формуле произведения: “Прѣжде законъ, ти по томъ благодѣтъ, прѣжде стѣнь, ти по томъ истина”²¹.

Предшествованием появления на земле Благодати является рождение Саррой Исаака (прообраз Иисуса): “Тогда уво отклочи Богъ ложесна Саррина, и, зачѣньши, роди Исаака, свободнаа свободнааго. И прѣстивъшу Богу челоувѣчска естѣства, явишася уже безвѣстнаа и утаенаа и родися благодѣтъ, истина, а не законъ, сынъ, а не рабъ”²².

Изгнание Измаила и его матери-рабыни символизирует отречение человечества от языческой морали и утверждение морали христианской: “И отгнани выша иудѣи и расточени по странам, и чѣдаа благодѣтънаа христиании наслѣдници выша Богу и Отцу”²³.

¹⁹ С.С. Аверинцев, *Поэтика ранневизантийской литературы*, Москва 1997, с. 101.

²⁰ *Слово о Законе и Благодати*.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Там же.

Отождествляя прошлое с чем-то несовершенным, митрополит Иларион сравнивает его со свечей, а настоящее – со светом солнца: “Отиде бо свѣтъ луны, солнцю възсидѣвшу, тако и законъ, благодѣти явльшися, и студенство нощное погыбе, солнечыиѣ теплотѣ землю сзгрѣвши. И уже не гърздится въ законѣ челоувѣчество, нъ въ благодѣти пространо ходити”²⁴. Именно в настоящем вера в оправдание сменяется верой в спасение: “Яко оправданіе въ семь міръ есть, а спасение въ будущиимъ вѣцѣ”²⁵. Автор утверждает принцип ориентирования язычников на настоящее и взгляд в будущее христианина. Существование одним днем человечества прошлого отождествляется с поклонением материальному: “Иудѣи бо о земляныхъ веселяхуся, христиани же о сущиихъ на небесѣхъ”²⁶.

Приоритет *настоящего* автор Слова обозначает во многих символах и аллегориях. Например, человечество изображается Иларионом как сосуд, наполняемый молоком Благодати; мир без христианства сравнивается с сушей, пустыней, безводным озером, которое наполняется благодатной влагой: “И законное езеро прѣсыше, евангельскыи же источникъ наводнився и всю землю покрывъ, и до насъ разлился”²⁷. С принятием веры в Святую Троицу на землю падает благодатный дождь, многократно упоминаемый Иларионом. Символ воды доминирует в описании Иларионом настоящего, обозначая святость, очищение, крещение и благодать. Человек настоящего есть Сын Божий, рожденный в святой купели: “Прияха его, дасть имъ власть чядомъ Божиимъ быти, вѣрующтиимъ въ имя его, иже не отъ крѣве ни отъ похоти плотьскы, ни отъ похоти мужескы, нъ отъ Бога родишася, Святыимъ Духъмъ въ святѣи купѣли”²⁸.

В понимании настоящего христианской культуре присущ мистический историзм, как отвержение старого и принятие нового. По словам С. Аверинцева, христианство выступило с утверждением, что Бог уже заключил новый “завет” с новыми людьми, на обновленной земле, в новой жизни человеческой. Книги Нового Завета обещают “небо ново и землю нову” (Откр. 21:1). Это означает, что прошлое в его временной динамике прошло, теперь все обновлено. Евангелие, или “благая весть”, подразумевает что-то новое в пространстве и во времени, а именно устремление человечества в будущее, прообразовательность будущего в *настоящих* поступках христиан (снова сравним с соответственной грамматической

²⁴ Слово о Законе и Благодати.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

категорией, разившейся к этому времени – *будущее в настоящем*), прообразовательность событий прошлого – *будущее в прошлом*, ожидание вечности за концом времен.

Следует заметить, что хотя автор Слова прямо не вводит понятие “будущее” для христиан, но упоминает о Страшном суде, который ждет и грешников, и праведников. Тем самым Иларион дает понять, что идеальное существование в Благодати еще не наступило, и человеку нужна помощь Господа. Автор сравнивает человечество с блуждающим стадом овец, поскольку агнец является хрестоматийным символом смиренного христианина: “мы бо людие твои и овцѣ паствы твои, и стадо, еже ново начатъ пасты, исторгъ отъ пагубы идолослужения!”²⁹. Жизнь христианина изображена в виде дороги. Иларион призывает человека не сойти с истинного пути на путь ложный, ведомый бесом: “Обративши грѣшника отъ заблуждения пути его спасти душу отъ смерти и покрыеть множество грѣховъ”³⁰. С. Аверинцев утверждает, что такова христианская точка зрения на доктрину о вечном возврате: “по кругу человека водит бес; устрояемая Богом “священная история” идет по прямой линии. Она идет так потому, что у нее есть цель”³¹.

Таким образом, Иларион изображает линейную историю человечества как зеркальную двухгранную плоскость. Первая грань являет собой линию *прошлое – настоящее*, завершением которой является противостояние Закона и Благодати. Второй гранью является линия *настоящее – будущее*, завершение которой также представлено борьбой Благодати и Закона (здесь Закон понимается как порабощение, отречение от истинной веры). Лишь воля Господа и истинный выбор человека открывают возможный переход временного существования во вневременное, то есть, *вечность*. Параллельно ось соприкосновения двух граней пересекает третья грань – история Киевской Руси, Владимира, принятия христианства, служащая ключом для понимания христианином законов линейной направленности времени.

Как мы видели, эти законы отразились и в грамматической структуре языка, а именно – в морфологических особенностях глагольной категории времени. Изменения этой категории последовательно отражают изменения в восприятии времени человечеством: на заре существования человек воспринимает время как настоящее, и прошлое у него смешивается

²⁹ Слово о Законе и Благодати.

³⁰ Там же.

³¹ С.С. Аверинцев, *Поэтика ранневизантийской литературы*, с. 97.

с настоящим и имеет для него значение постольку, поскольку имеет результат в этом настоящем. Это понимание отражено в категории перфекта. С развитием общества, накоплением опыта и совершением исторических событий актуальность обрело прошлое, которое нуждалось в напоминании и сохранении. Этот этап отражен в становлении разветвленной системы прошедших времен. С появлением и распространением христианства обретает актуальность новая концепция времени – векторная, которая сменяет собой циклическую. Векторная концепция позволяет ощутить прочную связь между прошлым, настоящим и будущим. Христианство акцентирует внимание человека на будущем, снимает маркер важности с настоящего. А вместе с тем – с телесного, внешнего и материального. Этому этапу отвечает активное развитие системы будущих времен в языке и изменение художественной категории времени в литературе.

В заключение можно отметить, что разветвленная система будущих времен, присущая старославянскому языку, значительно сокращена в современных славянских языках. Если проводить намеченную нами параллель между развитием морфологических категорий и мировоззренческих концептов, то следует признать совершение некоего возврата к до-Кирилло-Мефодиевскому ощущению будущего, уменьшение актуальности футурума для современного человека. Какое мировоззренческое изменение отражено этим фактом – покажет время.